

С.Н. Браиловский

Тазы, или Удиһэ

**Опыт этнографического
исследования**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Н. Браиловский**
Тазы, или Удиһэ: Опыт этнографического исследования / С.Н. Браиловский –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 227 с.

ISBN 978-5-518-06045-6

ISBN 978-5-518-06045-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г Л А В А I.

Обзоръ литературы предмета и выводы изъ него.

Самымъ старымъ и самымъ драгоценнымъ сочиненіемъ по изученію инородцевъ Приморской области является столь извѣстный классическій трудъ академика Шренка „Объ инородцахъ Амурскаго края“, появившійся въ свѣтъ въ 1881—1883 г.г.¹⁾ Авторъ посѣтилъ Амурскій край въ 50-хъ годахъ, когда послѣдній имѣлъ видъ вовсе еще нетронутой страны; имъ поставлены отчасти и рѣшены вопросы, касающіеся прошлаго инородцевъ, сдѣлана группировка инородцевъ по физическимъ и языковымъ особенностямъ; наконецъ, въ трудѣ Шренка находятся ссылки на сочиненія послѣдующаго времени вплоть до восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, вполне полагаясь на тщательность и добросовѣстность Шренка, изслѣдователь избавленъ отъ необходимости разсматривать то, что уже было разсмотрѣно. Вотъ почему свой „обзоръ литературы“ о тазакъ я начну съ тѣхъ сочиненій, которыя не приняты во вниманіе академикомъ Шренкомъ.

Однимъ изъ такихъ является сочиненіе О. О. Буссе.

„Очеркъ условій земледѣвнія въ Амурскомъ Краѣ“ (Библіотека для чтенія, августъ-декабрь, 1869 г.). Въ этомъ сочиненіи находимъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о тазакъ, свѣдѣній общаго характера, потому что авторъ по собственному признанію, мало знакомъ съ этимъ племенемъ. Поэтому мало имѣютъ значенія свѣдѣнія, что тазы живутъ вдоль морского берега отъ южныхъ гаваней до гавани св. Ольга и далѣе къ сѣверу, что постройки и условія жизни ихъ сходны съ постройками и бытомъ гольдовъ. Гораздо важнѣе тѣ замѣчанія автора, которыми онъ сопровождаетъ обзоръ инородцевъ—о рочей или о рочонъ, гольдовъ и тазовъ. „Всѣ поименованныя племена,—говоритъ онъ,—можно назвать еще первобытными дикарями. Правда, на нихъ отозвалась китайская цивилизація, но только въ нѣкоторыхъ ви́шнихъ проявленіяхъ и не проникла въ ихъ внутренній бытъ. Въ религіозномъ отношеніи они всѣ шаманствующіе, только нѣкоторые гольды, въ южной части Уссури и Даубихэ, приняли отъ китайцевъ ламаизмъ и то, кажется, только по ви́шности: шаманы все еще имѣютъ на нихъ глубокое вліяніе. Сношенія съ русскими до сихъ поръ ограничиваются только мѣною рыбы и пушнины на водку, бумажныя матеріи и хлѣбъ, что составляетъ для инородцевъ рос-

¹⁾ На нѣмецкомъ яз. сочиненіе Шренка—«Die Völker des Amur-Landes»—вышло въ 1881 г.; русскій переводъ его, ничѣмъ не отличающійся отъ нѣмецкаго подлинника, напечатанъ въ 1883 г.

вошь. Сосѣдскія отношенія русскаго населенія съ этими племенами весьма радушны и хороши... Въ экономическомъ отношеніи эти жители Амурскаго края имѣютъ значеніе только, какъ промышленники пушнины. Судя по едва замѣтному вліянію пятнадцатилѣтняго сосѣдства съ русскою цивилизаціею, трудно предположить, чтобы они скоро приняли осѣдлый и земледѣльческій образъ жизни, этой первой основы улучшенія быта и цивилизаціи. Пропаганда православной вѣры между инородцами идетъ успѣшно, судя по числу обращенныхъ; но до сихъ поръ еще не замѣтно у послѣднихъ смягченія правовъ и влеченія къ осѣдлости“.

Весьма много бытовыхъ и экономическихъ указаній о тазакъ находится въ двухъ сочиненіяхъ, появившихся въ 1872 году. Одно изъ нихъ принадлежитъ г-жѣ Олимпіадѣ Васильевой и носитъ заглавіе „Гавань св. Ольги“ (Извѣстія Русскаго Географич. Общ., 1872 г., т. VІІІ, стр. 55—71). Авторъ весьма подробно говоритъ о тазакъ, живущихъ близъ гавани св. Ольги, и объ отношеніи ихъ къ манзамъ или китайцамъ. Изъ его статьи мы узнаемъ, что по близости Ольгинскаго поста тазовъ мало: въ 8-ми верстахъ отъ поста, возлѣ селенія Пермскаго, пять франзъ, зато въ селеніяхъ Тадуши и Пѣусуни ихъ много. Главное занятіе тазовъ зимою звѣроловство, а лѣтомъ и осенью—ловля морской капусты; заимствована тазами отъ манзъ: тазъ-звѣроловъ и охотникъ по природѣ своей и условіямъ окружающей природы. Вообще авторъ даетъ въ своей статьѣ рядъ простыхъ наблюденій, не пытаея проникнуть въ ихъ смыслъ и значеніе. Такъ, указавъ, что наружный видъ манзъ и ольгинскихъ тазовъ очень сходенъ (разницей служатъ двѣ косы и серьга въ носу у тазовъ), онъ не поставилъ этого явленія въ связь съ конкубинатомъ манзъ и тазачеемъ, о чемъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ. Объ экономической зависимости тазовъ отъ манзъ говорится глухо. Выраженія:— „торговля сосредоточена преимущественно въ рукахъ манзъ. Тазы въ торговомъ отношеніи вполне имъ подчиняются“—заключаютъ указаніе на весьма важное экономическое явленіе въ жизни тазовъ, о чемъ я подробно буду говорить впоследствии. При сообщеніи, что религія у ольгинскихъ тазовъ буддійская съ примѣсю различныхъ вѣрованій, на примѣръ,—взглядъ на тигра, невольно напрашивалось замѣчаніе, что буддизмъ тазовъ—результатъ китайскаго вліянія, а воспоминаніе о религіозномъ значеніи тигра—остатокъ первобытной языческой религіи тазовъ. Только слегка затронуть авторомъ такой интереснѣйшій вопросъ, какъ взглядъ тазъ на женскую нравственность. „Нравственность женщины у тазъ цѣнится очень высоко; недавно еще былъ случай, доказывающій, насколько тазы считаютъ вѣрность необходимымъ условіемъ семейной жизни и насколько у нихъ страшенъ взглядъ на наказаніе: во время долгаго отсутствія мужа, тазачка принесла ребенка, брата мужа повѣсили этого ре-

бенка“. Цитированныя слова изъ статьи г-жи Васильевой вызываютъ рядъ вопросовъ: во-первыхъ, съ кѣмъ прижитъ тазачкою ребенокъ: съ тазомъ или манзою; во-вторыхъ, всегда ли тазы поступаютъ такъ, какъ описано, съ незаконно-прижитыми дѣтми; въ-третьихъ, при расправѣ съ ребенкомъ, тазы руководились ли своими законами, своимъ исконнымъ правомъ, или же подобное наказаніе представляетъ явленіе чуждое, результатъ манзовскаго вліянія.

Наиболѣе цѣнными слѣдуетъ признать два замѣчанія г-жи Васильевой: одно о томъ, что „сближеніе между манзами и тазами — самое тѣсное“. Причиною этого сближенія служитъ нужда другъ въ другѣ: манза снабжаетъ тазу различными товарами и жизненными припасами, таза же — хорошіи охотники — и снабжаетъ манзу плодами своей охоты; главною же причиною сближенія является холостая жизнь манзъ, которые женятся на тазачкахъ. Другое замѣчаніе состоитъ въ указаніи, что около поста Ольгинскаго находится много развалинъ фанзъ, слѣдовательно, здѣсь раньше было тазъ больше.

Въ одинъ годъ съ статьей г-жи Васильевой появилась книга г. Алябьева „Далекая Россія. Уссурійскій край“ (С.-Петербургъ, 1872 г.). На стр. 113—114 авторъ удѣлилъ нѣсколько замѣчаній инородцамъ изображаемаго имъ края. Несмотря на фельетонность изложенія, книга интересна цифровыми данными о количествѣ тазъ. Поэтому опускаю его рѣчи о дикости орочей, или тазъ, о грязи ихъ жилищъ, объ эксплуатаціи ихъ манзами¹⁾, укажу приводимую имъ таблицу населенія въ Уссурійскомъ краѣ, по которой тазъ значится:

	муж.	жен.
въ Уссурійскомъ округѣ	433	328
въ Аввакумовскомъ	297	162
въ Сучанскомъ	131	45
Всего	861	535

Болѣе цѣннымъ слѣдуетъ признать сочиненіе г. Степанова „Южно-Уссурійскій край“ (Отд. оттискъ изъ мартовской книжки журнала „Древняя и Новая Россія“ за 1880 г.). На стр. 11—12 этого сочиненія находимъ слѣдующія свѣдѣнія о тазахъ: „коренные жители Южно-Уссурійскаго края принадлежатъ къ племени тазовъ или орочей (витайское названіе ихъ, по сочиненію В. П. Васильева, куяра). Происхожденіе,

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія г. Алябьева по этой части незначительнѣе свѣдѣній, сообщенныхъ въ книгѣ г. Пржевальскаго «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, въ 1867—69 гг.», вышедшей въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году. На эту книгу часто ссылаются г. Алябьевъ.

языкъ и религія этихъ инородцевъ не изслѣдованы; но существуетъ предположеніе, что названное племя суть члены тунгусской семьи“. Это племя охотничье, питается рыбой и мясомъ, земледѣлія не знаетъ. Отъ охоты, какъ главнаго занятія, зависитъ бродячій образъ жизни. Живущіе въ горныхъ трущобахъ тазы строятъ конусообразные шалаши изъ жердей, прикрываемыхъ берестю. Одежда готовится изъ шкуръ, домашняя утварь изъ бересты, а желѣзное оружіе вымѣнивается у китайцевъ на пушнину.

„Тазы, живущіе въ открытыхъ долинахъ, находятся въ полной зависимости и даже въ порабощеніи китайцевъ, перенали отъ нихъ постройку домовъ, одежду и частью даже языкъ. Питаясь охотою и рыболовствомъ, эта отрасль тазовъ перевочевываетъ два раза въ годъ, лѣтомъ на устья и берега рѣкъ, гдѣ они питаются рыбою, а зимою возвращаются въ свою фанзу, гдѣ остаются семейства, а мужчины уходятъ зимою въ хребты для охоты за пушнымъ звѣремъ. Вся добыча этого промысла идетъ манзамъ въ уплату за просо, табакъ и одежду, которыми они снабжаютъ семейства тазовъ, во время отсутствія мужей.

„Женщины занимаются домашними работами и вышиваніемъ нарядовъ, какъ для себя, такъ и мужей. Кокетство женщины выражается не только въ вышитомъ узорами кисетѣ и воротѣ курмы, сшитой изъ бязи, но такъ же и въ серебряныхъ браслетахъ, кольцахъ и серьгахъ; послѣднія носятъ не только въ ухахъ, но и въ правой ноздрѣ“.

Я позволилъ себѣ длинную выписку изъ статьи г. Степанова на томъ основаніи, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, очевидно, почерпнуты изъ непосредственнаго наблюденія, и потому, при всей своей сжатости, являются драгоценными. Конечно, не все сказанное имъ справедливо послѣ выхода въ свѣтъ классическаго труда Шренка. Еще болѣе интереснымъ трудомъ является рядъ отдѣльныхъ статей въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1880 г., №№ 177—178) г. А. М(аксимова), морского офицера, скончавшагося и похороненнаго во Владивостокѣ въ 1896 г. Среди этихъ статей, носящихъ общее заглавіе „Наши задачи на дальнемъ востокѣ“, находится особый этюдъ объ орочахъ.

Тазы, по мнѣнію автора,—обычное имя орочей въ Уссурійскомъ краѣ— есть китайское простонародное названіе Дацзы; китайцы называютъ такъ монголовъ, а въ Уссурійскомъ краѣ это названіе поему—что привилось къ орочамъ¹⁾. Дѣлается тазы на бродячихъ и осѣдлыхъ (скорѣе кочующихъ?).

¹⁾ Ср. объясненіе Пржевальскаго: «Слово «таза», какъ объяснили мнѣ манзы, есть мѣстная передѣлка китайскаго названія «Юида-узы», что значитъ, въ буквальномъ переводѣ, рыбокоже инородцы. Этимъ именемъ китайская географія издавна называетъ обш-

Бродячіе характеризуются слишкомъ мрачными красками: „(Они) находятся на самой низкой ступени умственнаго развитія; даже невозможно опредѣлить, есть ли у нихъ какія-либо вѣрованія. Полунагіе, донельзя грязные, подходящіе по своимъ инстинктамъ ближе къ животному, чѣмъ къ человѣку, они бродятъ со своими семействами съ мѣста на мѣсто, перенося съ собою и свои жалкіе берестяные шалаши. Переходъ этотъ обусловливается достаткомъ въ извѣстномъ мѣстѣ рыбы или звѣря, составляющихъ единственную пищу жалкихъ дикарей. Живя въ душныхъ, смрадныхъ, дымныхъ палашахъ, они чуждаются всякаго общенія съ подобными себѣ и не имѣютъ никакихъ человѣческихъ стремленій. Всѣ ихъ умственныя и душевныя способности сосредоточиваются только на ѣдѣ и снѣ; орочь, убивъ какого-нибудь звѣря, перекочевываетъ, обыкновенно, къ нему со всѣмъ семействомъ и не выходитъ изъ шалаша до тѣхъ поръ, пока не уничтожить всей своей добычи... полусырое мясо поглощается въ огромной массѣ; ѣдятъ безъ мѣры до тѣхъ поръ, пока кусья не начнутъ останавливаться въ горлѣ“...

До какой степени въ приведенной цитатѣ изъ этюда г. А. М(аксимова) сгущены краски и отсутствуетъ строгая объективность, необходимая для этнографа, какъ и для всякаго другого изслѣдователя, читатели увидятъ сами изъ послѣдующаго. Но г. А. Максимовъ въ своемъ увлеченіи рисовать мрачныя картины изъ быта тазовъ доходитъ до искаженія дѣйствительности, или же смотритъ на дѣло изъ узкаго окошечка. Такъ, у него читаемъ: „Они, какъ и всѣ дикари, имѣютъ необыкновенное пристрастіе только къ крѣпкимъ напиткамъ; за водку они готовы отдать все, что у нихъ есть, даже жену и дѣтей... Изъ этой пагубной страсти дикарей витайцы извлекаютъ для себя громадныя выгоды... Каждый маньчзъ... за .. бутылку водки собственнаго изготовленія... требуетъ соболя, а при случаѣ беретъ и два“... Во-первыхъ, я не наблюдалъ и не встрѣчалъ ни у кого изъ изслѣдователей извѣстій, чтобы бродячій таза пропивалъ жену и дѣтей. Если среди нихъ встрѣчаются подобныя субъекты-пропойцы, то они являются рѣдкимъ исключеніемъ. Во-вторыхъ, посредствомъ водки эксплуатируютъ орочей не одни маньчзы, а также японцы и русскіе.

Важнѣе разсужденія г. Максимова о значеніи тазъ для края. По его мнѣнію, отъ нихъ для края очень мало надежды въ будущемъ. Ихъ край-

тателей восточной Манчжуріи, употребляющихъ для обуви и одежды выдѣланныя шкуры рыбъ».

Ср. Китайско-Русскій словарь арх. Палладія и Попова (Пекинъ, 1888 г.), стр. 148: «Д а - ц зы такъ въ просторѣчи называютъ Монголовъ, съ стариннаго да - да или да - д а н ѣ. Въ Манчжуріи китайцы называютъ этимъ именемъ Маньчжурскія племена, мѣстное произношеніе К я - к а - л а, изъ чего русскіе составили названіе т а з ы; эти тазы, или Кыкала, прозябаютъ по приморью отъ Владивостока до р. Юсэ».

няя неразвитость потребуетъ много времени и трудовъ для достиженія благоприятныхъ результатовъ. Если такого мнѣнія о тазахъ нельзя раздѣлять вполне, то несомнѣнно справедливымъ слѣдуетъ признать такое замѣчаніе г. Максимова: „Бродячіе орочи были до настоящаго времени въ полномъ забвеніи со стороны мѣстной администраціи; никто ими не интересовался, ни у кого не появилась даже мысль—поставить ихъ въ болѣе лучшее экономическое и общественное положеніе. Я даже увѣренъ, что многіе мѣстные администраторы даже не знаютъ, что подъ ихъ „просвѣщенной“ рукой бродятъ „какіе-то“ дикари, стоящіе на самой низкой ступени умственнаго развитія. Между тѣмъ и эти дикари должны заслуживать искренняго вниманія, какъ подданные нашего государства... Необходимо прежде всего употребить всѣ усилія къ тому, чтобы поднять ихъ умственное развитіе; это дѣло нашихъ миссіонеровъ; имъ предстоитъ трудная работа... Примѣръ безукоризненной жизни, энергія, неустранимость—вотъ главныя основы, обуславливающія собою успѣхъ пропаганды среди дикихъ орочей“... Замѣчу, что въ дѣлѣ просвѣщенія тазъ единичныя усилія миссіонеровъ, даже самыхъ идеальныхъ, едва ли сдѣлаютъ много: въ данномъ отношеніи наиболѣе плодотворнымъ средствомъ является близость русскихъ поселеній.

Благосклоннѣе относится г. Максимовъ къ осѣдлымъ тазамъ. Указавъ на вѣднѣе сходство ихъ съ манзами, насильное подчиненіе ихъ китайской культурѣ, на экономическую зависимость, онъ думаетъ, что при большемъ культурномъ развитіи осѣдые орочи, или тазы, представятъ полезное населеніе края.

Слѣдуя хронологическому порядку обзорнія литературы о тазахъ, я долженъ былъ бы говорить о не разъ уже названномъ сочиненіи Шренка; но въ настоящей работѣ часто будетъ оно упоминаться, потому что она по существу своему является лишь детальною разработкою того, что намѣчено покойнымъ академикомъ (См. Введеніе къ труду Шренка). Поэтому переходу къ сочиненіямъ, появившимся въ свѣтъ послѣ труда Шренка.

Наиболѣе интереса представляютъ сочиненія г. Надарова: 1) „Очеркъ современнаго состоянія Сѣверно-Уссурійскаго края (Владивостокъ, 1884 г.), 2) „Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края“ (Владивостокъ, 1886 г.) и 3) „Сѣверно-Уссурійскій край“ (С.-Петербургъ, 1887 г., оттискъ изъ XVII т. записокъ И. Р. Г. Общ.). Во второмъ изъ названныхъ сочиненій находятся краткія свѣдѣнія о тазахъ, которыхъ онъ, согласно г. Висленову, рассматриваетъ совмѣстно съ гольдами. Онъ даже заявляетъ на первой страницѣ статьи „Иностранческое населеніе Уссурійской страны“, что „отдѣльнаго племени или народа тазовъ не существуетъ; названіе это относится без-

различно какъ къ гольдамъ, такъ и къ ороконамъ (орочамъ)“. Круглою цифрою гольдовъ и тазовъ для Уссурийской страны онъ считаетъ 1900 человекъ. Но если принять во вниманіе, что цифра эта относится къ 1879 году, то едва ли г. Висленевъ смѣшалъ, подъ именемъ тазовъ, гольдовъ и ороchonъ: приведенную цифру слѣдуетъ принять за выраженіе количества тазовъ въ Уссурийскомъ краѣ.

Изъ другихъ замѣчаній г. Надарова необходимо отмѣтить слѣдующее: „Орочоны Южно-Уссурийскаго края совсѣмъ не похожи на своихъ собратьевъ въ Сѣверно-Уссурийскомъ краѣ. Первые потеряли уже свой языкъ, одежду и, въ общемъ, мало чѣмъ отличаются отъ манзовъ“ (стр. 26). Въ полномъ своемъ объемѣ подобное замѣчаніе справедливо только по отношенію къ тѣмъ тазамъ, которые родились отъ смѣшанныхъ браковъ манзъ и тазачекъ, и которыхъ г. Висленевъ неудачно назвалъ „потуйцами“.

Значительно важнѣе остальные два сочиненія г. Надарова, изъ коихъ „Очеркъ“ является прототипомъ и легъ въ основаніе сочиненія „Сѣверно-Уссурийскій край“. На стр. 73—99 послѣдняго находимъ подробныя свѣдѣнія о жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ ороchonъ, или тазовъ, живущихъ въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Уссури-Хора, Бикина и Илхна; тазы морского побережья не затронуты.

Какъ плодъ личныхъ наблюденій автора, много путешествовавшаго по краю, и прекраснаго знатока инородческаго населенія, книга г. Надарова является первымъ самымъ обстоятельнымъ описаніемъ тазовъ и ихъ быта, настолько обстоятельнымъ, что послѣдующіе изслѣдователи не много могли прибавить къ свѣдѣніямъ его. Къ сожалѣнію, не на все вопросы, связанные съ изученіемъ быта и возрѣній извѣстнаго народа, почтенный авторъ обратилъ должное вниманіе: у него напримѣръ, нѣтъ никакого указанія на памятники народнаго творчества тазъ; нѣтъ указанія на степени родства у нихъ; приведенный въ приложеніи (№ II) списокъ 238 словъ уссурийскихъ ороchonъ не отличается ни точностью транскрипціи, ни точностью указаній, въ какой мѣстности слова записаны, отсутствуютъ и антропометрическія измѣренія. Въ небольшой брошюрѣ г. Боголюбскаго „Краткій очеркъ народовъ Амурскаго края“ (С.-Петербургъ, 1890 г.) затрогивается интересный вопросъ о распространеніи тазъ.

„Въ южной части Приморской области,—говоритъ авторъ,—живутъ тазы, родственные гилиякамъ; отъ сношенія съ китайцами они заимствовали религію, земледѣліе и даже ремесла. Эти тазы, по описаніямъ китайцевъ, кочуютъ на Уссури и внутри страны къ берегу Японскаго моря. (Юй-пи-та-сузы, т. е. одѣвающиеся въ рыбы кожи).

Манзы, поселившіеся издавна въ Уссурійскомъ краѣ, отгѣснили тазовъ къ сѣверу отъ залива св. Ольги за р. Тютиха“ (5—6 стр.). Подчеркнутыя слова ясно доказываютъ, что г. Боголюбскій не сомнѣвался въ южномъ происхожденіи тазъ.

Весьма много статистическаго и бытового матеріала о тазакъ заключаютъ въ себѣ „Труды Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1895 г.“ (Хабаровскъ, 1896 г.). Матеріаль этотъ добытъ г.г. офицерами 5-ти охотничьихъ командъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады, предназначенныхъ для изслѣдованія части территоріи Уссурійскаго края, ограниченной съ одной стороны частью рр. Усури и Амура, съ другой—горнымъ хребтомъ Сихота—Алинь. Я не разъ буду пользоваться скрытымъ матеріаломъ, представляемымъ отчетами объ экспедиціяхъ; но долженъ замѣтить, что учетъ тазъ, вездѣ называемыхъ орочами, не вездѣ точенъ; многія важныя свѣдѣнія не добыты или пропущены вниманіемъ.

Оставляя въ сторонѣ такія изданія, какъ Живописная Россія Вольфа, Амурскій Край изд. Сытина, Географическо-Статистическій словарь Амурской и Приморской областей г. А. Кириллова и Торгово-Промышленный календарь г. Романова, заключающія свѣдѣнія справочнаго характера, упомяну нѣкоторыя статьи позднѣйшаго времени.

Не касаясь моей статейки „Угасающее племя“ („Сибирь“, 1897 г., № 35, фельетонъ), остановлюсь на статьѣ „Перепись по бассейну р. Има“ (Дальній Востокъ, 1897 г., №№ 46—47). Хотя статья не подписана, но легко догадаться, по яснымъ намекамъ, что она принадлежитъ лѣсническому Н. А. Пальчевскому. Тутъ находимъ интересныя статистическія свѣдѣнія, добытыя переписью инородцевъ по р. Иману и притоку его Ваку. Эти свѣдѣнія значительно исправляютъ цифры, показанныя г. Альфтаномъ въ статьѣ „Общій очеркъ движенія 5 охотничьихъ командъ 2-й В.-Сибир. стрѣлковой бригады, во время экспедиціи по изслѣдованію Уссурійскаго края лѣтомъ 1894 г. (см. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об., за 1895 г.) По переписи г. Пальчевскаго оказывается орочень—въ долинѣ р. Имана—199 муж., 148 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ, солоновъ, корейцевъ и манчжуръ; въ долинѣ р. Ваку—49 муж., 34 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ и корейцевъ.

Помимо статистическаго матерьяла, обращаютъ въ статьѣ вниманіе нѣкоторыя замѣчанія автора, напримѣръ, онъ аборигенамъ тайги Сихота-Алина приписываетъ такія названія: орочей (Императорская гавань), тазъ (на югъ отъ Императ. гав. до Сучана) и орочоновъ-удэ (вѣроятно, по

Иману и Ваку?). Если исключить изъ этихъ названій ничего не выражающее въ этнографическомъ смыслѣ слово таза, то получимъ два названія, дѣйствительно существующія, хотя авторъ не разобрался, кого какимъ именемъ называютъ.

Особенно подробно трактуется въ статьѣ вопросъ объ освобожденіи орочей изъ-подъ манзовскаго ига и экономической кабалы. Рѣдко среди трактующихъ о мѣстныхъ нуждахъ встрѣтишь лицъ, которые такъ горячо ратовали бы за русскіе интересы и за интересы обездоленныхъ и угасающихъ инородцевъ, какъ это дѣлаетъ г. Пальчевскій. Въ своемъ мѣстѣ я возвращусь къ этому вопросу и къ статьѣ г. Пальчевскаго, а пока заключу замѣчанія на его статью однимъ указаніемъ. „Данныя произведенной мною переписи,—читаемъ у него,—и разспросныя свѣдѣнія говорятъ за то, что главная масса орочей обитаетъ въ районѣ Иператорской гавани и р. Хора, сходя на нѣтъ на Амурѣ и отгѣснена манзами на югъ“. Замѣчаніе слишкомъ поспѣшное и противорѣчитъ истинѣ, потому что орочны живутъ по другимъ притокамъ Уссури, и по берегу Японскаго моря, да и неясно, кого разумѣетъ г. Пальчевскій подъ именемъ орочей.

Наконецъ въ самое послѣднее время (съ 3-го №, 1898 г.) г. Пановъ началъ въ своемъ „Дальнемъ Востокѣ“ не оконченную доселѣ статью „Материалы въ древней исторіи Приамурскаго Края“. Попросту сказать, г. Пановъ печатаетъ въ отрывкахъ неизданный черновой дневникъ покойнаго начальника русской духовной миссіи въ Пекинѣ, извѣстнаго русскаго синолога архимандрита Палладія. Копія съ этого дневника, хранящаяся въ архивѣ Общества Изученія Амурскаго края, побывала въ рукахъ г. Панова, который весьма плохо выписалъ изъ нея цитаты. Такъ, трудно добратся до смысла въ слѣдующей цитатѣ изъ дневника: „Кякала то же, кюяла, родственно другому роду Цююли-кэ... Они захвачены маньчжурами при отцѣ его прапрадѣда“. Спрашиваю, при отцѣ чьего прапрадѣда захвачены тазы (кякала) маньчжурами? Дѣло же объясняется тѣмъ, что у Палладія въ цитированномъ мѣстѣ говорится о посѣщеніи тазы кюйсюйли. При отцѣ прапрадѣда этого тазы и произошло покореніе маньчжурами тазъ. Въ виду сказаннаго не могу довѣрять статьѣ г. Панова и обращаюсь къ самому дневнику, въ случаѣ необходимости.

Подводя итоги сдѣланному обзору литературы о тазяхъ, долженъ замѣтить, что она не бѣдна количественно, да и качественно представляетъ много цѣннаго. Во всякомъ случаѣ, обзорѣніе ея позволяетъ мнѣ видѣть ясно, что сдѣлано моими предшественниками и что слѣдуетъ сдѣлать. Такъ наиболѣе обследованъ и описанъ бытъ тазъ, живущихъ по правымъ прито-

камь р. Усури; мало изслѣдованными являются приморскіе тазы. Вопросъ о происхожденіи тазъ послѣ Шренка никѣмъ не поднимался, хотя на такое или иное рѣшеніе его дѣлаются робкіе намеки въ статьяхъ нѣкоторыхъ авторовъ. Существуетъ большая путаница въ названіяхъ, даваемыхъ этому народу, и только разъ указывается (у г. Пальчевского) самоназваніе иманскихъ тазъ. Границы территоріи, занятой тазами, совсѣмъ перемѣшаны и рѣдко точно опредѣляются. Весьма сбивчиво излагаются религіозныя воззрѣнія.

Пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, а равно и собранными лично въ двѣ экспедиціи матеріалами, я дѣлаю попытку поставить и посильно рѣшить всѣ вопросы, возникающіе при начертаніи цѣльной и полной картины прошлой и современной жизни тазъ, которые давно уже причислены къ угасающему племени.

ГЛАВА II.

Происхожденіе и названіе народа.

У бикинскихъ тазовъ существуетъ пока единственно извѣстное въ печати преданіе объ ихъ собственномъ происхожденіи. Въ виду рѣдкости произведеній творчества среди нынѣшнихъ тазовъ и въ виду особенной важности этого преданія, при рѣшеніи вопроса о происхожденіи названнаго народа, привожу его подробно.

„На Сучанѣ, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, — гласитъ преданіе, — царствовалъ сильный царь Куанъюнь, китайской династіи. Кругомъ его царства жили сильные цари, зависимые отъ него и платившіе ему дань. Почти черезъ каждыя сто верстъ было особое царство (Бай-ли-вуань), и только немногія изъ царствъ были самостоятельны. Время тогда было хорошее; урожай большіе; погода всегда стояла ясная, теплая; болѣзней не было.

У Царя Куанъюна былъ племянникъ, который жилъ въ вѣрности, въ мѣстности Санда-гу, по р. Улахэ (выше р. Ноту). Семья племянника состояла изъ жены Хунлоню и сестры ея Люлоню, — обѣ писанныя красавицы; всѣ удивлялись ихъ красотѣ.

Тамъ, гдѣ великая китайская стѣна подходитъ къ морю, на каменной скалѣ стоитъ храмъ въ честь святой женщины—китайки Мындзя-ню, сохранившей до конца своей жизни супружескую вѣрность. Однажды жена племянника Хунлоню собралась поѣхать въ Храмъ Мындзя-ню поклониться